

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СОПОСТАВЛЕНИЙ

Необходимость модернизации социальных институтов в России давно не вызывает споров в экспертных и исследовательских кругах - дискуссии ведутся о том, каковы возможности, перспективы и пути модернизации. В рамках этих дискуссий нам кажется важным включить в контекст обсуждения анализ массовых стереотипов, связанных с ролью государства в социальной и экономической жизни. База модернизации – свободный от патерналистских стереотипов, независимый от государственной опеки социальный актор, способный и стремящийся менять свою жизненную ситуацию личным усилием. В какой мере такой социальный тип присутствует в российском социальном контексте? Что показывает сопоставление российских обстоятельств с ситуацией в других странах, проходящих ту же фазу модернизации, или продвинувшихся гораздо дальше на этом пути?

В своей работе мы опираемся на данные исследования ISSP (International Social Survey Programme). Это компаративное исследование проводится с 1985 года, в настоящий момент в нем участвуют более 30 стран. Россия присоединилась к проекту в 1991 году. Модули исследования проводятся ежегодно с использованием общего для всех стран инструментария и повторяются с интервалом в 5-6 лет. Такой дизайн исследования позволяет проводить не только межстрановые сравнения, но и отслеживать динамику показателей во времени.

В 1996 и 2006 годах модули ISSP были посвящены исследованию массовых представлений о роли правительства. Анкета содержала блок вопросов о том, какую роль правительство должно играть в социальной жизни: каковы его обязанности и ответственность, какой должна быть степень участия в регулировании экономической деятельности, решение каких социальных проблем является его задачей. В качестве первого шага анализа данных, обеспечивающего группировку показателей и, следовательно, снижение размерности анализируемого пространства признаков, мы выбрали факторный анализ (метод главных компонент). Список отобранных вопросов и их группировка в факторы приводится в Таб.1. Степень своего согласия/несогласия с каждым из предложенных высказываний респондент мог оценить по пятипозиционной шкале. Факторы были построены с использованием массива данных по всем странам, участвовавшим в опросе.

Для обоих анализируемых опросов структура факторов сохраняется – они образованы одними и теми же переменными как в 1996, так и в 2006 году. При этом, для второго фактора даже порядок образующих его переменных остался прежним. А вот в рангах переменных, образующих первый фактор, есть различие: обязанность государства по контролю над ценами сместилась с первого места, которое она занимала в 1996 году, на третье. В остальном ранги остались прежними. Первый фактор группирует блок представлений о необходимости государственного регулирования рынка труда и различий в социальной дифференциации, второй – о роли государства в экономической сфере.

Таб 1. Результаты факторного анализа.

Переменные перечислены в порядке, соответствующем 2006 году. В случае различий ранг 1996 года приведен в скобках после каждой переменной.

Переменные, образующие первый фактор	2006	1996	Переменные, образующие второй фактор	2006	1996
	Коэффициенты факторной нагрузки			Коэффициенты факторной нагрузки	
Государство должно:					
Поддерживать предприятия, переживающие сложности, чтобы сохранить рабочие места (2)	0,677	0,676	Уменьшить регулирование бизнеса со стороны государства	0,703	0,705
Сокращать разницу в доходах между богатыми и бедными (3)	0,657	0,668	Сократить государственные расходы	0,608	0,628
Контролировать цены (1)	0,657	0,686	Поддерживать предприятия, создающие инновационные продукты/технологии	0,553	0,605
Финансировать проекты для создания новых рабочих мест (4)	0,572	0,581			
Сократить рабочую неделю для создания боольшого число рабочих мест (5)	0,509	0,557			

Переход к анализу факторов на страновом уровне показывает наличие статистически значимых различий как между странами, так и в динамике массовых представлений населения одной и той же страны во времени. Такие изменения имеют место в шестнадцати странах, их перечень и кодировка приведены в Таб.2. Визуализация полученных результатов представлена на Рис.1 (первый фактор) и Рис.2 (второй фактор).

Точками на графиках отмечены средние значения коэффициентов факторной нагрузки по анализируемому фактору отдельно для каждой страны в 1996 и 2006 годах. Линии, соединяющие эти точки, задают динамику установок. Например, Новая Зеландия в 1996 году занимала лидирующие позиции среди стран, население которых было настроено против государственного регулирования цен, доходов, рынка труда. В 2006 году «непримиримая» позиция жителей Новой Зеландии несколько смягчилась, лидером несогласия с активной ролью государства в регулировании социальной жизни стала Чехия. Отметим рост настроений против государственного регулирования социальных проблем в странах «скандинавского социализма» - Норвегии и Швеции. Особенно этот процесс заметен в Швеции, которая по темпам роста «антисоциалистических» настроений занимает третье место в ряду всех анализируемых стран после Чехии и Германии.

Таб. 2. Перечень стран, для которых различия в массовых представлениях о роли правительства в 1996 и 2006 годах статистически значимы.

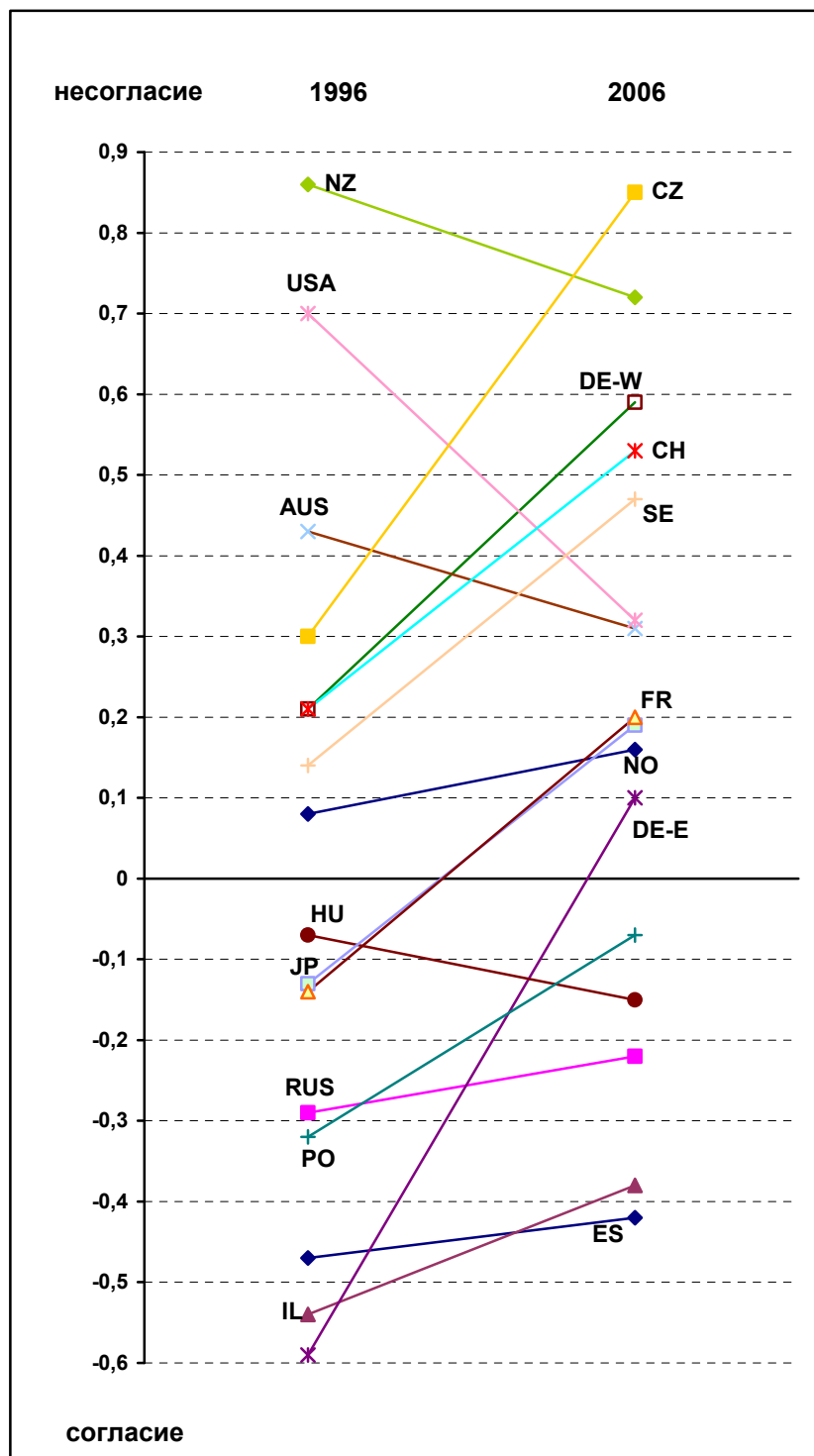
СТРАНА	КОДИРОВКА	СТРАНА	КОДИРОВКА
Австралия	AUS	Польша	PO
Венгрия	HU	Россия	RUS
Германия, Восточные земли	DE-E	США	USA
Германия, Западные земли	DE-W	Франция	FR
Израиль	IL	Чехия	CZ
Испания	ES	Швейцария	CH
Новая Зеландия	NZ	Швеция	SE
Норвегия	NO	Япония	JP

Важной представляется динамика установок населения бывшей ГДР. В 1996 году жители Восточных земель Германии выражали самую сильную, среди всех опрошенных стран, поддержку государственному регулированию цен, рынка труда, поддерживали вмешательство государства в процесс сокращения разницы в доходах между богатыми и бедными. Десять лет жизни в рыночном демократическом обществе в корне поменяли позиции этой населенческой совокупности: ее установки по отношению к государственному регулированию социальной жизни сменили знак на противоположный и сместились в область несогласия, показав самые высокие темпы роста.

Отметим некоторое нарастание «социалистических» настроений в США. В 1996 году страна занимала второе место, вслед за Новой Зеландией, среди противников

государственного регулирования социальной жизни, к 2006 году настроения американцев сильно «полевели». Сейчас США, хотя и остаются в зоне несогласия с установками по поводу активного государственного регулирования социальных проблем, тем не менее по уровню несогласия пропустили вперед 5 стран.

Рис.1 Динамика установок по отношению к активному государственному регулированию социальных проблем за 1996-2006 годы

Население России в значительной степени согласно с тем, что государство должно регулировать цены, сокращать дифференциацию доходов, контролировать рынок труда, хотя к 2006 году градус этих настроений несколько снизился (см.Рис.1). Россия повторяет траекторию большинства стран: падение патерналистских настроений в социальной сфере было зафиксировано в двенадцати странах (Германия - восточные и западные земли, Испания, Россия, Польша, Япония, Норвегия, Швеция, Швейцария, Чехия, Израиль, Франция). Только в четырех странах (Новая Зеландия, США, Австралия, Венгрия) установки на активное государственное регулирование социальной сферы усилились.

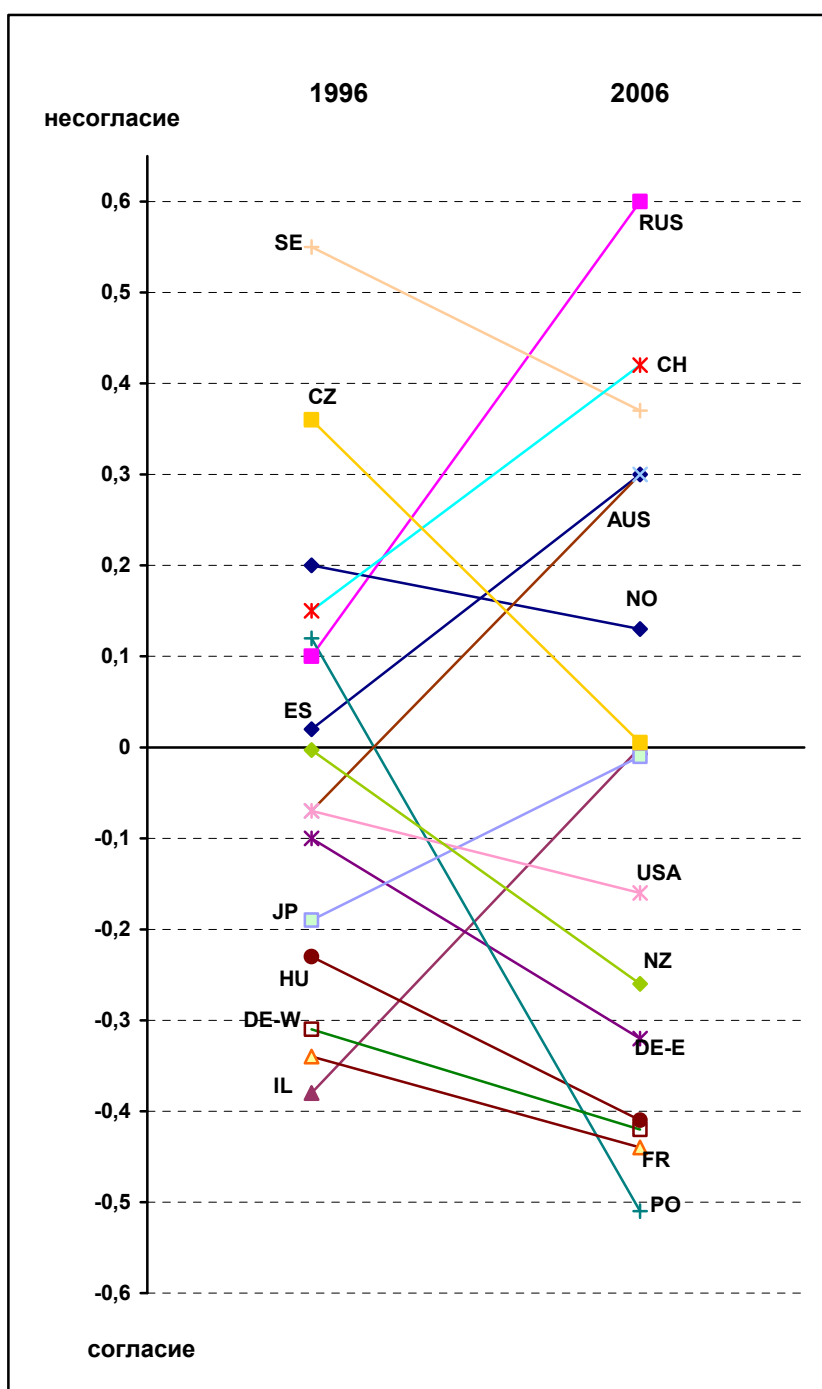
Динамика установок, сгруппированных вторым фактором, объединяющим массовые представления о роли государства в экономике, представлена на Рис.2. Большинство стран демонстрируют рост настроений, которые можно было бы назвать «государство, не лезь в экономику»: в десяти странах жители хотели бы ограничить его роль поддержкой инновационных проектов (Польша, Франция, Германия, Венгрия, Новая Зеландия, США, Чехия, Норвегия, Швеция). В шести странах усилились противоположные тенденции (Россия, Швейцария, Австралия, Испания, Япония, Израиль). Отметим, что Россия не просто входит в список стран, где выросли массовые настроения в пользу государственного регулирования экономики, в 2006 году Россия демонстрирует самый высокий градус таких настроений.

Интересно сравнить динамику установок населения России и Польши по отношению к вмешательству государства в экономику. Если в 1996 году позиции стран практически совпадали – в Польше настроения в пользу государственного регулирования экономики были даже несколько выше, то в к 2006 году страны разошлись на противоположные полюса: Польша демонстрирует самые сильные настроения в пользу отстранения государства от экономического регулирования и сокращения государственных расходов, в России – самая высокая поддержка интенсивного вмешательства государства в экономическую жизнь.

Отметим, что в западных и восточных землях Германии представления о роли государства развиваются однонаправлено – в сторону сокращения государственного регулирования. При этом, хотя различия в позициях все еще остаются, в восточных землях скорость изменений выше, позиции населения разных частей Германии по этому вопросу сближаются.

Очень сильный рост настроений в пользу государственного регулирования экономики заметен в Израиле, Швейцарии, Испании, Австралии, а вот скандинавские страны, напротив, демонстрируют тенденцию к снижению подобных настроений.

Рис.2. Динамика установок, определяемых фактором «Сокращение роли государства в экономике» за 1996-2006 годы

Показанную на Рис.1 и Рис.2 динамику массовых установок можно сгруппировать в 4 блока (см. Таб.3). В группу стран, где 1996-2006 годах наблюдался рост установок на сокращение роли государства во всех сферах жизни, вошли только европейские страны, причем, представлена как «старая», так и постсоциалистическая Европа. Только в одной стране, Австралии, наблюдается противоположная картина - рост настроений в пользу повышения регулирующей роли государства как в экономике, так и в решении социальных проблем. Россия попадает в группу стран, где одновременно с настроениями в

пользу государственного регулирования экономики растут настроения против нивелирования доходов и регулирования рынка труда государством. Противоположная картина в США, где заметен рост настроений против вмешательства государства в экономику, но, при этом, выросло число сторонников более активного участия государства в сокращении разницы в уровне жизни и в создании новых рабочих мест.

Таблица 3. Динамика представлений о роли государства

УСИЛЕНИЕ НАСТРОЕНИЙ:	НЕ нужно вмешательство государства в решение социальных проблем	НУЖНО вмешательство государства в решение социальных проблем
НЕ нужно регулирование экономики со стороны государства	Восточная Германия Западная Германия Норвегия Польша Франция Чехия Швеция	Венгрия Новая Зеландия США
НУЖНО регулирование экономики со стороны государства	Израиль Испания Россия Швейцария Япония	Австралия

Естественно предположить, что на совокупность установок о роли государства в жизни общества оказывает влияние объем социальных ресурсов, доступных социальному актору и определяющих его положение в социальном пространстве. Отсутствие необходимых для самостоятельного существования средств (не только материальных) приводит к росту патерналистских настроений, усиливает идентификацию с государством и проводимой государством политикой. Социальная периферия в большей степени склонна поддерживать авторитарные методы правления и государственный патернализм. Мы отобрали несколько индикаторов уровня социальных ресурсов и провели их анализ.

Рис.3 и Рис.4 визуализируют влияние уровня образования на систему представлений о роли государства, представлены средние значения коэффициентов факторной нагрузки. Динамика одинакова для всех стран: с ростом образования растет уверенность в том, что роль государства должна быть минимизирована как в социальной сфере, так и в экономике. Есть некоторое различие в характере динамики: в России и США скачок настроений против вмешательства государства в регулирование социальной жизни связан с получением высшего образования, в Польше рост настроений против государственного регулирования социальных проблем происходит монотонно (см. Рис.3).

Рис.3. Динамика установок по отношению к **необходимости** государственного регулирования социальных проблем в зависимости от образования

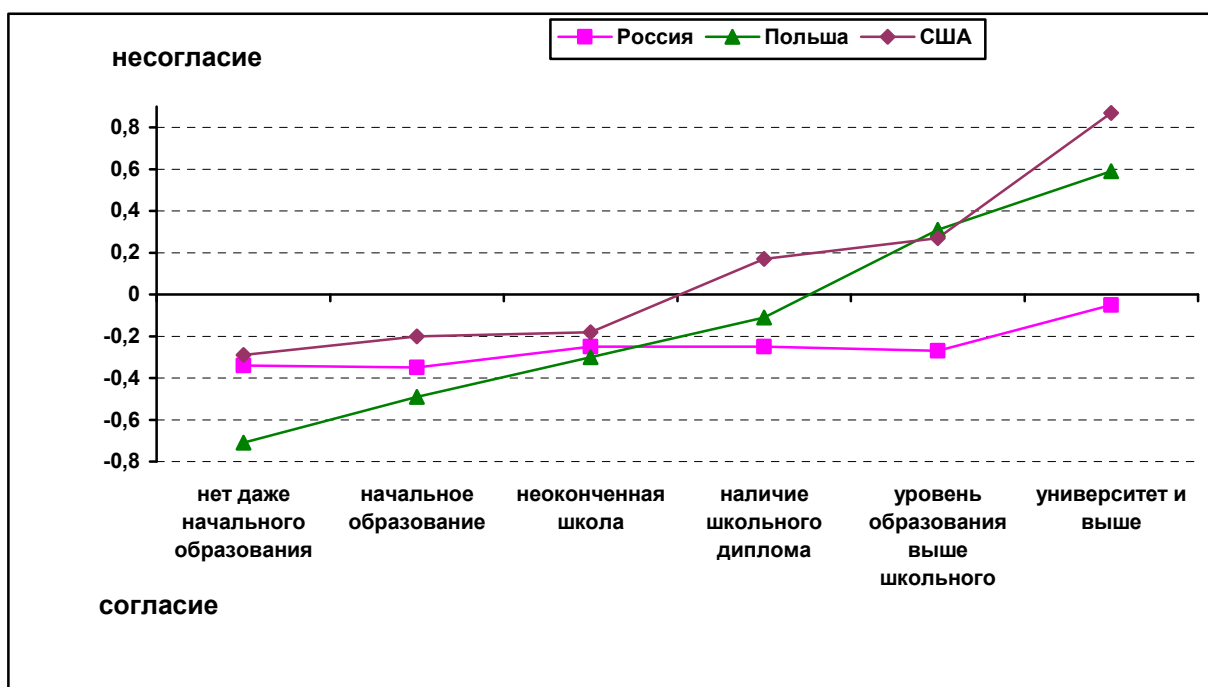
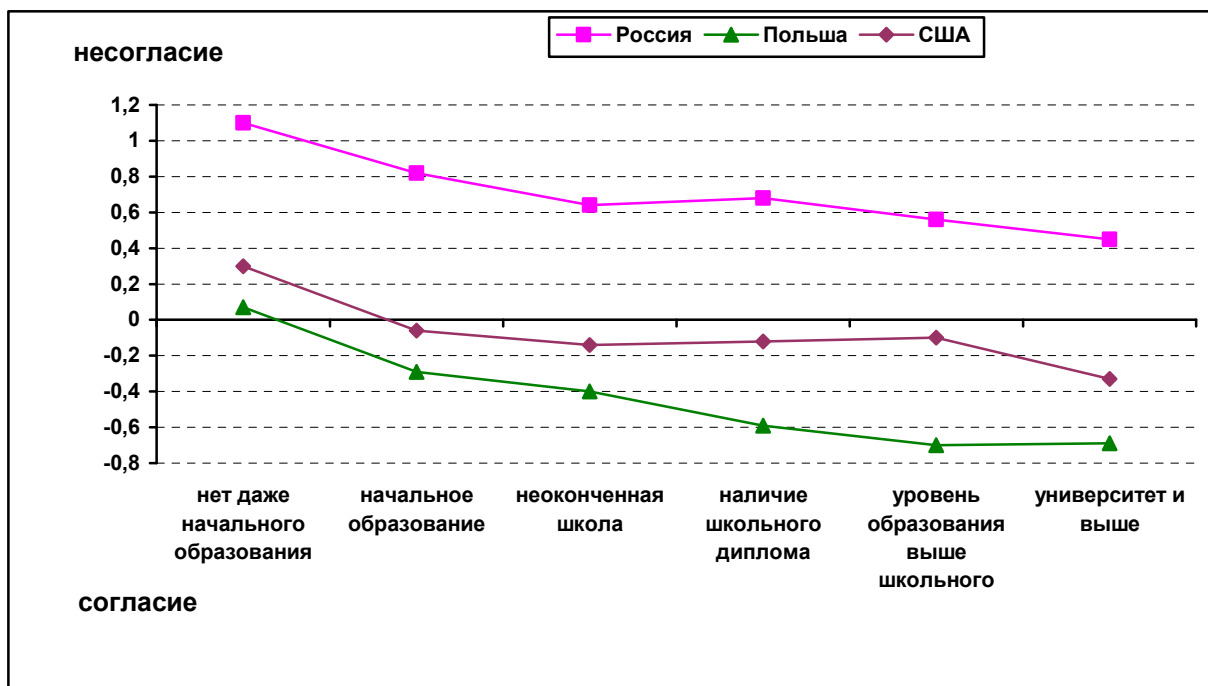

Рис.4. Динамика установок по отношению к **сокращению** роли государства в регулировании экономики в зависимости от образования

Доход оказывает более сложное влияние на анализируемые установки (см. Рис.5 и Рис.6) - динамика не такая плавная. Тем не менее, верхние децили демонстрируют некоторую тенденцию к снижению уровня патернализма, хотя присутствует страновая специфика. Особенно это заметно в установках по поводу государственного регулирования экономики (см.Рис.6). Если в Польше и США четыре верхних дециля

демонстрируют снижение патерналистских установок, то в российском обществе «богатые» являются, скорее, сторонниками вмешательства государства в экономику: уровень поддержки такой же, как среди малообеспеченных, попадающих во второй и третий децили. Как тут не вспомнить социально-профессиональный состав нашего среднего класса, значительную долю которого составляет бюрократия.

Рис.5. Динамика установок по отношению к **необходимости** государственного регулирования социальных проблем в зависимости от дохода

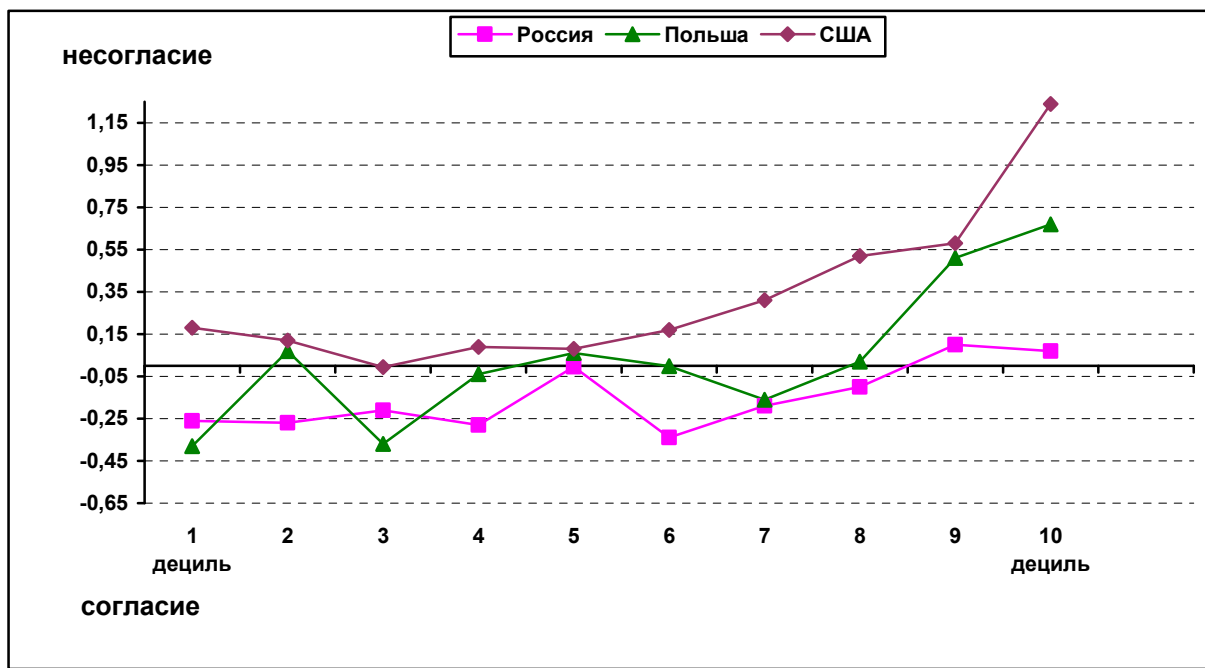

Рис.6. Динамика установок по отношению к **сокращению** роли государства в регулировании экономики в зависимости от дохода

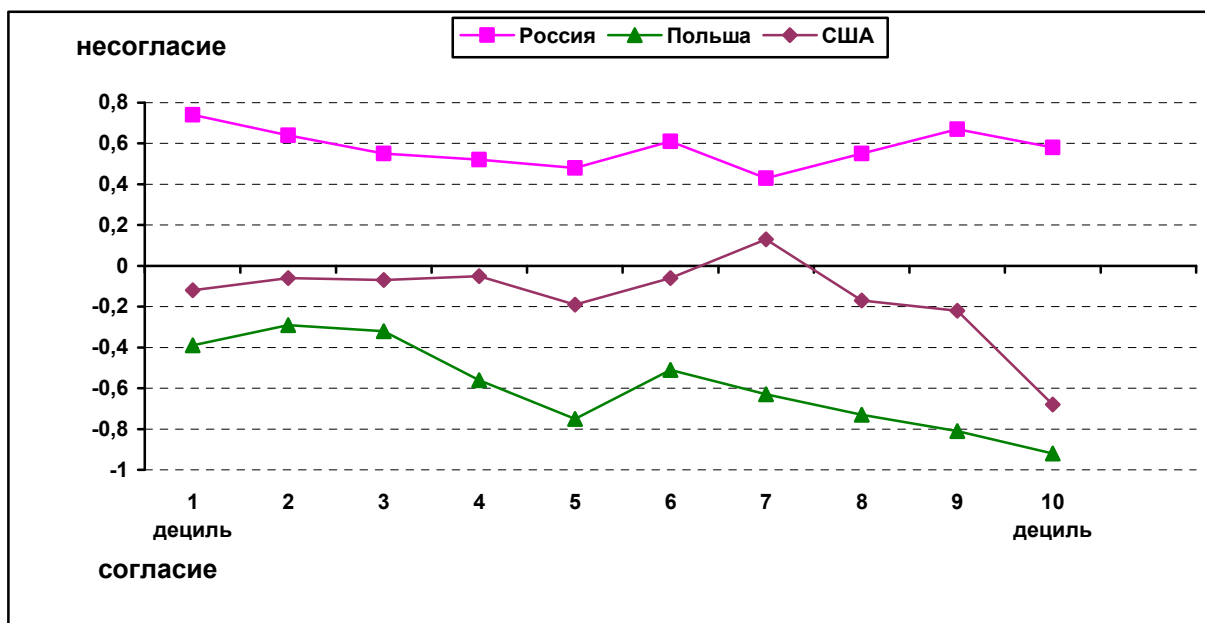

Рис.7. Динамика установок по отношению к **необходимости** государственного регулирования социальных проблем в зависимости от возраста

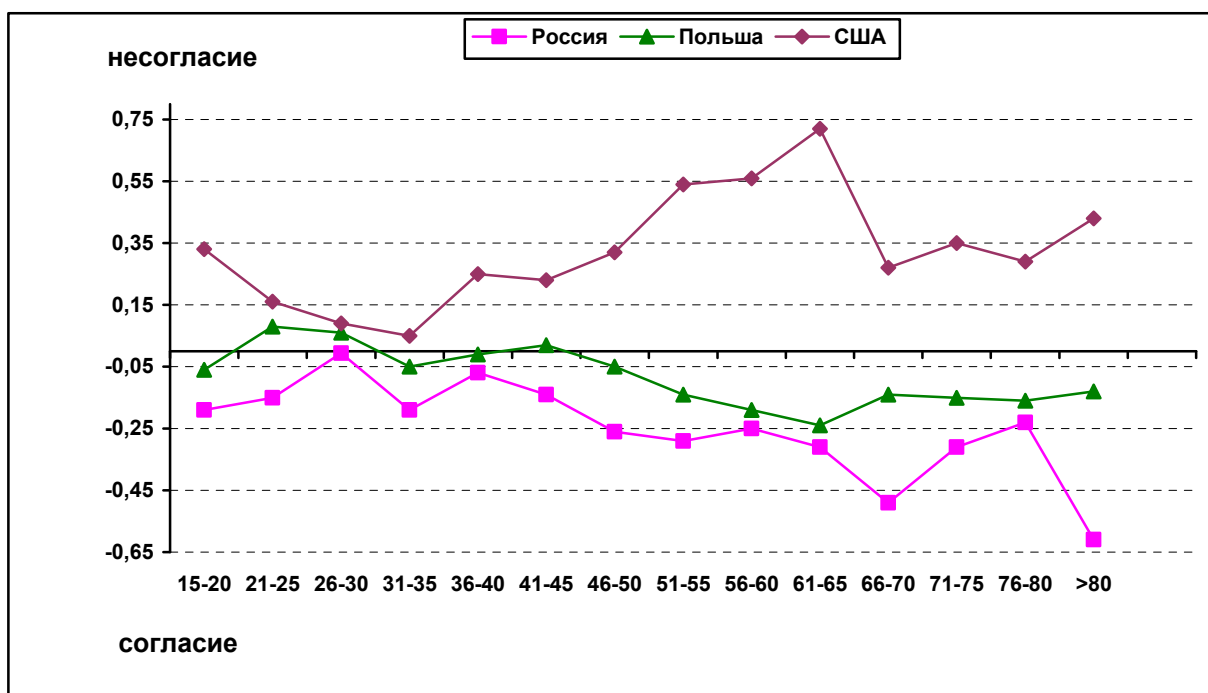
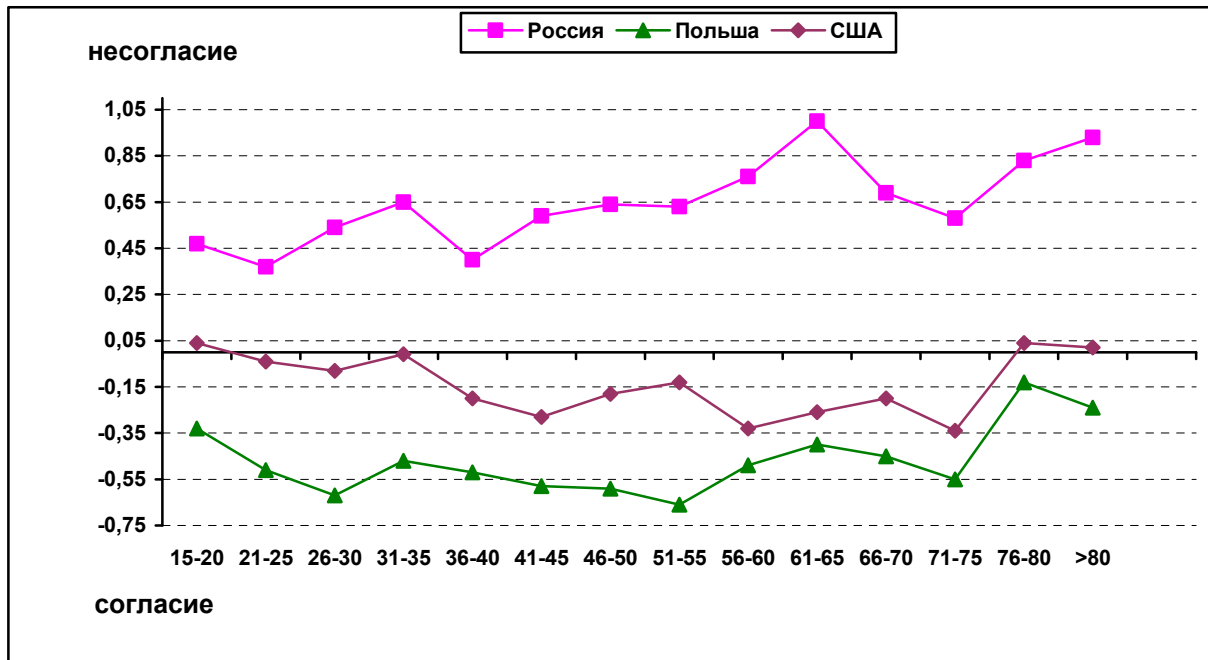

Рис.8. Динамика установок по отношению к **сокращению** роли государства в регулировании экономики в зависимости от возраста

Связь между возрастом и динамикой представлений о роли государства представлена на Рис.7 и Рис.8. Здесь также присутствует страновая специфика. Если в Польше и России согласие с необходимостью регулирования социальной сферы возрастает после 40 лет (Рис.7), то в США – ситуация обратная: именно в возрасте от 40

до 65 происходит рост несогласия с опекающей ролью государства. Лишь в послепенсионном возрасте американцы демонстрирует желание подключить государство к решению социальных проблем.

Влияние типа поселения на установки по поводу роли государства пришлось размещать на отдельных графиках, поскольку градация размеров населенных пунктов в странах, выбранных для анализа, не совпадает. Фактор урбанизации обладает очень интересной страновой спецификой. Так, в Польше (Рис.9) и в России (Рис.10) с уменьшением размера населенного пункта растет степень поддержки вмешательства государства и в социальную сферу, и в экономику, достигая своего максимума в селах. А вот в США (Рис.11) картинка, можно сказать, «наоборотная». Жители крупных американских городов демонстрируют самый высокий градус поддержки патерналистской социальной политики – именно в крупных городах бытуют массовые настроения в пользу ответственности государства за решение социальных проблем. «Социалистический» настрой снижается с уменьшением размеров населенного пункта и достигают своего минимума в маленьких поселениях с населением менее 1000 человек. Именно жители маленьких городков с давней традицией самоуправления, привычкой рассчитывать только на себя, на соседей, в крайнем случае – на шерифа и господ бога, демонстрируют готовность «не ждать милостей от государства», решая проблемы рынка труда и социальной дифференциации своими силами.

Рис.9. Динамика установок о роли государства в зависимости от типа поселения (Польша)

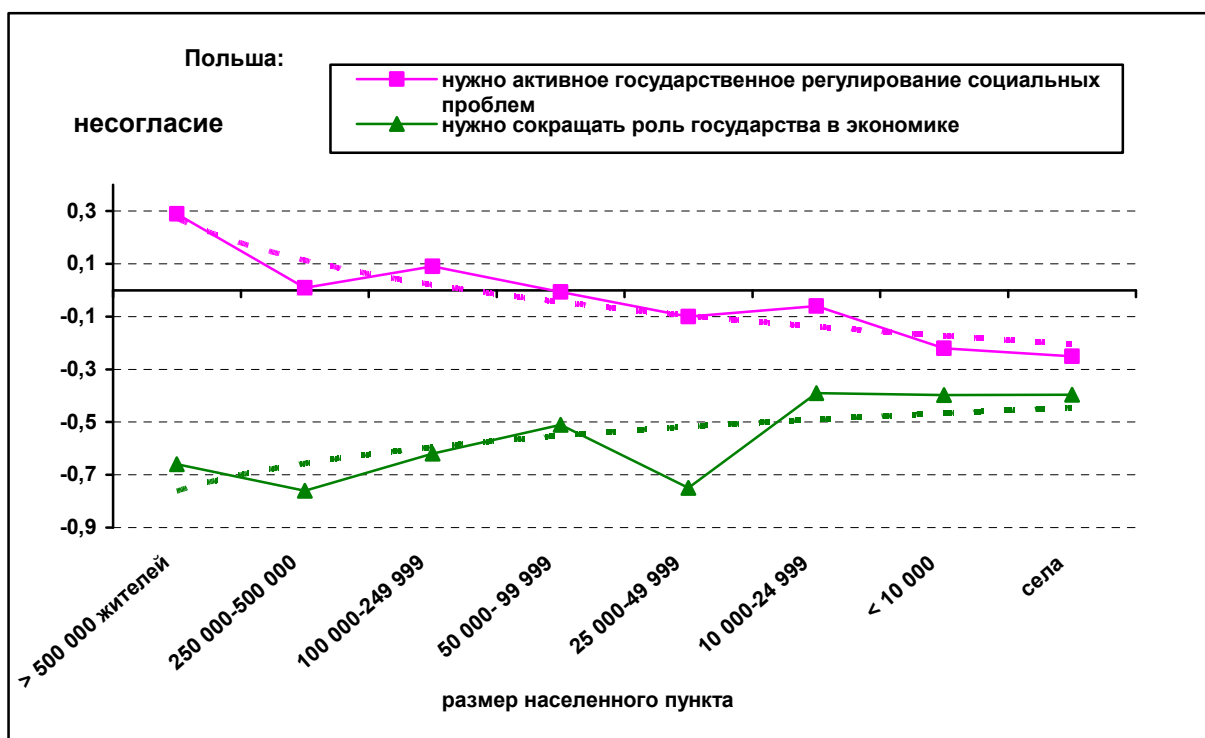

Рис.10. Динамика установок о роли государства в зависимости от типа поселения (Россия)

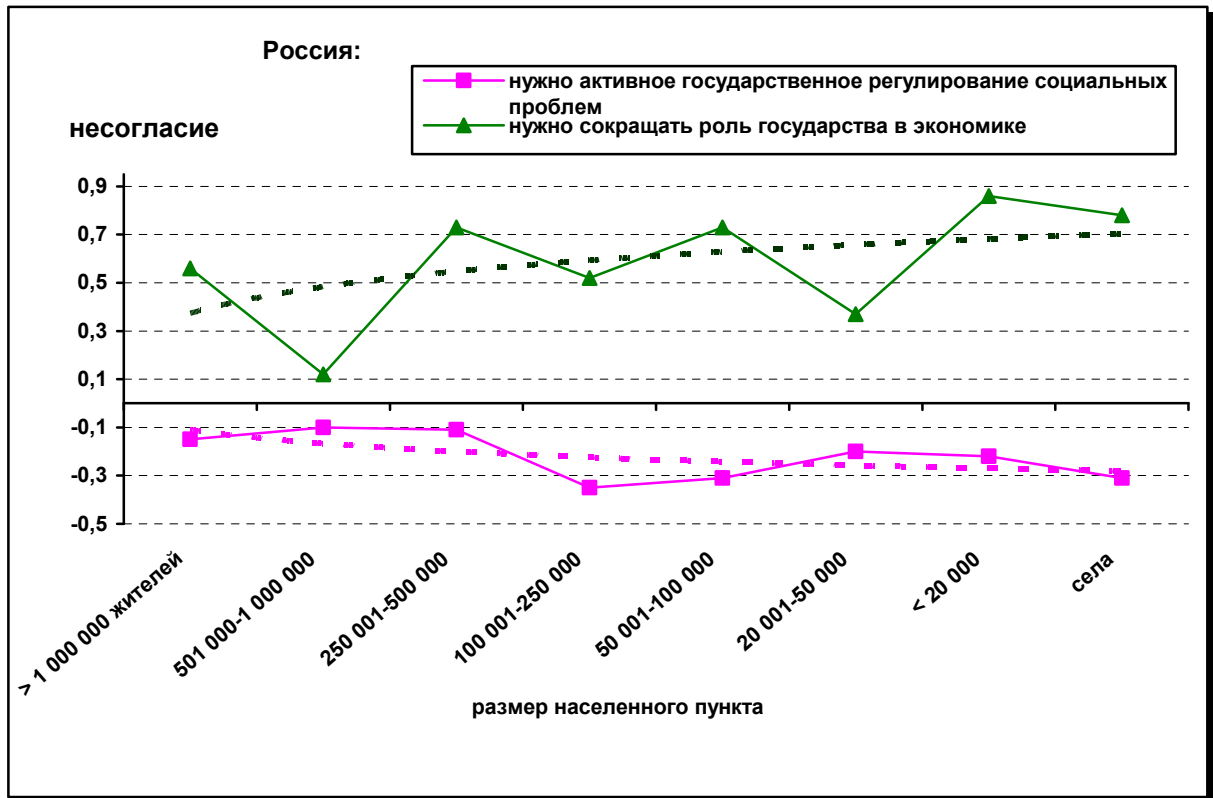
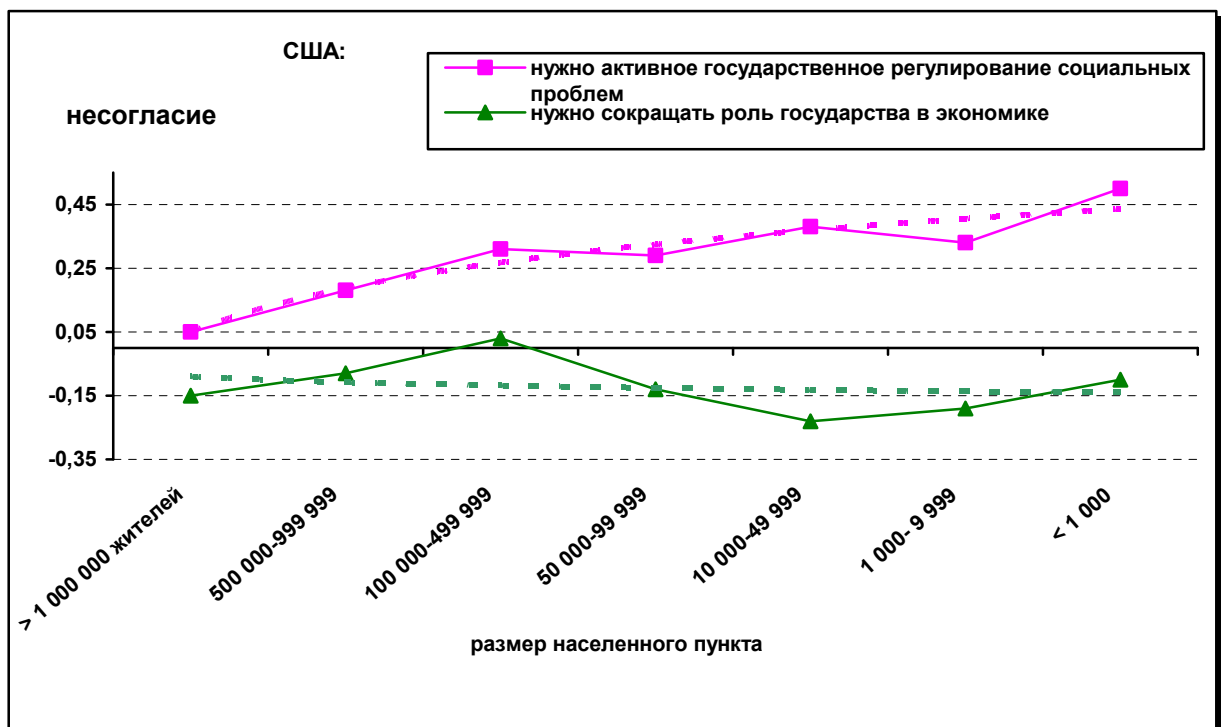

Рис.11. Динамика установок о роли государства в зависимости от типа поселения (США)

Совокупность установок о роли и мере ответственности государства можно, в определенных пределах, рассматривать как реакцию на социальную политику: массовое сознание нерелексивно, оно воспроизводится повседневными практиками и, можно ожидать, будет отзывчиво к изменениям социального курса. В рамках такого подхода упоминавшийся выше рост «социалистических» настроений в США можно анализировать как реакцию на политику правительства Джорджа Буша-младшего. В вопросах внутренней политики сорок третий американский президент выступал за минимальное вмешательство исполнительной власти в жизнь общества, проводил курс на снижение налогов (как индивидуальных, так и на прибыли корпораций), всемерное поощрение предпринимательства, усиление стратегии на развитие частной собственности. В июне 2001 Конгресс США принял программу сокращения налогов в целях стимуляции роста экономики, в 2003 году налоги сократили еще раз. Спад в экономике был преодолен, но сокращение налоговой базы привело к резкому росту дефицита бюджета и, по мнению многих экономистов, расплачиваться за это пришлось малообеспеченным американцам. Кроме того, администрация Буша-младшего планировала реорганизацию системы пенсионного обеспечения, смысл которой – снять нагрузку с государства. Критики предлагавшейся системы считали, что такая реформа не достигает цели социального обеспечения, напротив, она размывает гарантии получения дохода в старости или в случае нетрудоспособности [1-5]. Есть основания предположить, что такая социальная политика могла привести к росту массовых настроений в пользу переноса большей ответственности за социальные проблемы на государство.

Принятый подход позволяет интерпретировать и разнонаправленную динамику массовых настроений в Польше и в России, население которых занимало в 1996 году практически одинаковые позиции по поводу государственного регулирования экономики и разошлось на противоположные полюса к 2006 году (см.Рис.2). Специалисты [6-9] отмечают успешную реализацию экономических реформ в Польше. Так, уже на рубеже 1995–1996 годов Польша первой среди европейских стран с переходной экономикой восстановила предкризисный уровень производства. С 1995 по 2005 годы ВВП Польши на душу населения вырос почти на 52%. Что особенно важно, рост происходил за счет новых хозяйственных форм: если в 1989 году в частном секторе производилось около 20% ВВП, то в 2004 году – уже 79.2%. Частная форма собственности стала доминирующей: в промышленности она дает 80.9% реализованной продукции, в сельском хозяйстве и розничной торговле 98.4% товарооборота, в строительстве 96.8%. В экспорте и импорте доля частных предприятий составила в 2004 году соответственно 88.1% и 91.7%.

Не последним фактором, обеспечившим успех реформ в Польше, стало наличие политической воли, обеспечивающее преемственность государственной политики: Квасьневский, бывший член ПОРП и лидер Социал-демократической партии Польши (наследницы ПОРП), министр в правительстве социалистической Польши в восьмидесятых, сменив Валенсу на посту президента в ноябре 1995 года, продолжил курс на рыночные преобразования страны, ее сближение с ЕС, вступление в НАТО, приватизацию государственной собственности. В этом смысле Польша приближается к западным демократиям: смена правительства в стране не приводит к радикальным поворотам в реализуемой политике, а лишь к тактическим изменениям. С другой стороны, польское общество оказалось готово принять предлагаемый курс. В июне 2003 года в Польше был проведен референдум по поводу вступления в ЕС. В нем приняло участие 58.85% всех граждан, имеющих право голоса, 77.45% проголосовавших высказались за вступление страны в ЕС.

Подобные системные преобразования не могли не изменить роль, которую государство играет в жизни польского общества, сводя его функции все в большей степени к созданию «общих правил игры» для многочисленных и разнообразных хозяйствующих субъектов, что можно считать главным успехом либеральных реформ. Польское общество переживает опыт успешного реформирования экономики и социальной сферы, все в большей степени обретая ресурсы, обеспечивающие самостоятельное, независимое от государства существование. Отражение этого успешного опыта в массовом сознании и было зафиксировано опросом 2006 года.

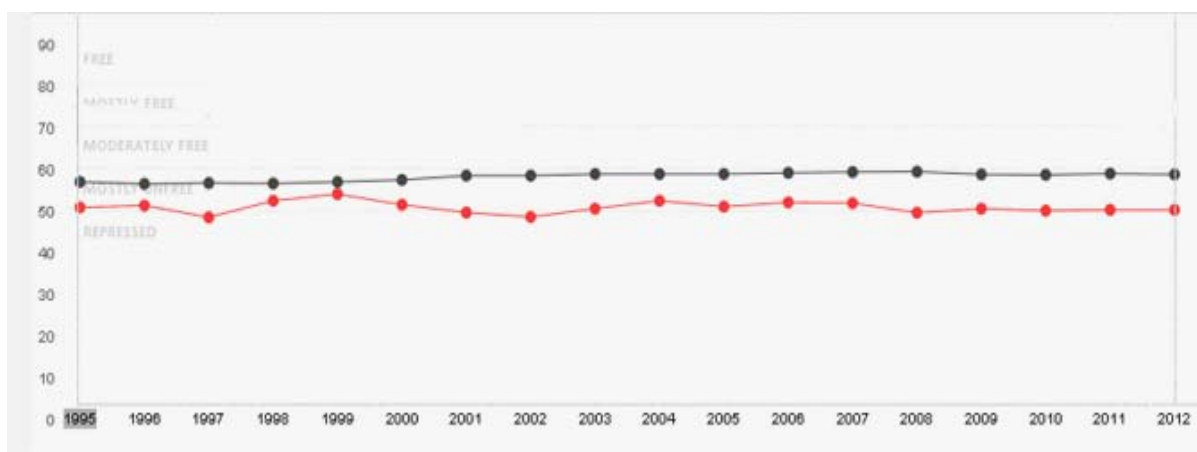
Ситуация в России диаметрально отличается от того, что происходит в Польше. Согласно данным Глобального мониторинга предпринимательства (Global Entrepreneurship Monitor [GEM])¹ количество бизнесов в России мало и растет медленнее, чем в большинстве стран мира. Так, в 2006 году доля новых бизнесов (по определению новым бизнесом в рамках GEM считается бизнес, который приносит доход менее 42 месяцев) составляла в России 4.9%, устойчивым бизнесом (бизнес приносит доход более 42 месяцев) владело 1.2% населения. Причины такой низкой предпринимательской активности в России связаны по мнению специалистов, в первую очередь, со «средой», в которой осуществляется экономическая активность. Среди основных препятствий к реализации предпринимательских установок эксперты назвали отсутствие эффективной, четкой и последовательной политики со стороны государства, высокие барьеры

¹ Глобального мониторинга предпринимательства (Global Entrepreneurship Monitor) - крупнейшее в мире исследование предпринимательской активности. Исследование было начато в 1999 году, в настоящее время в проекте участвуют более 85 стран из всех уголков мира: <http://www.gemconsortium.org/What-is-GEM>

вхождения в рынок, монополизацию рынка, рейдерство. Отмечалось, что сферы влияния поделены, реальной рыночной конкуренции нет, а есть «олигархическая экономика» [10].

Согласно Индексу экономической свободы (Index of Economic Freedom [IEF])² Россия в 2006 году занимала 129 место среди 157 ранжированных стран непосредственно между Нигером и Индией (на первом месте оказался Гонконг, на последнем – Северная Корея). На Рис.12 приведена динамика Индекса за все годы наблюдений – Россия выделена красной линией, черная линия задает средний уровень индекса, подсчитанный по всем странам. Заметно некоторое улучшение показателя во второй половине девяностых, но с приходом Путина к власти значение индекса упало и практически не менялось на протяжении всех нулевых (рисунок взят с сайта <http://www.heritage.org/index/>).

Рис.12. Динамика Индекса экономической свободы для России по отношению к среднему значению показателя.

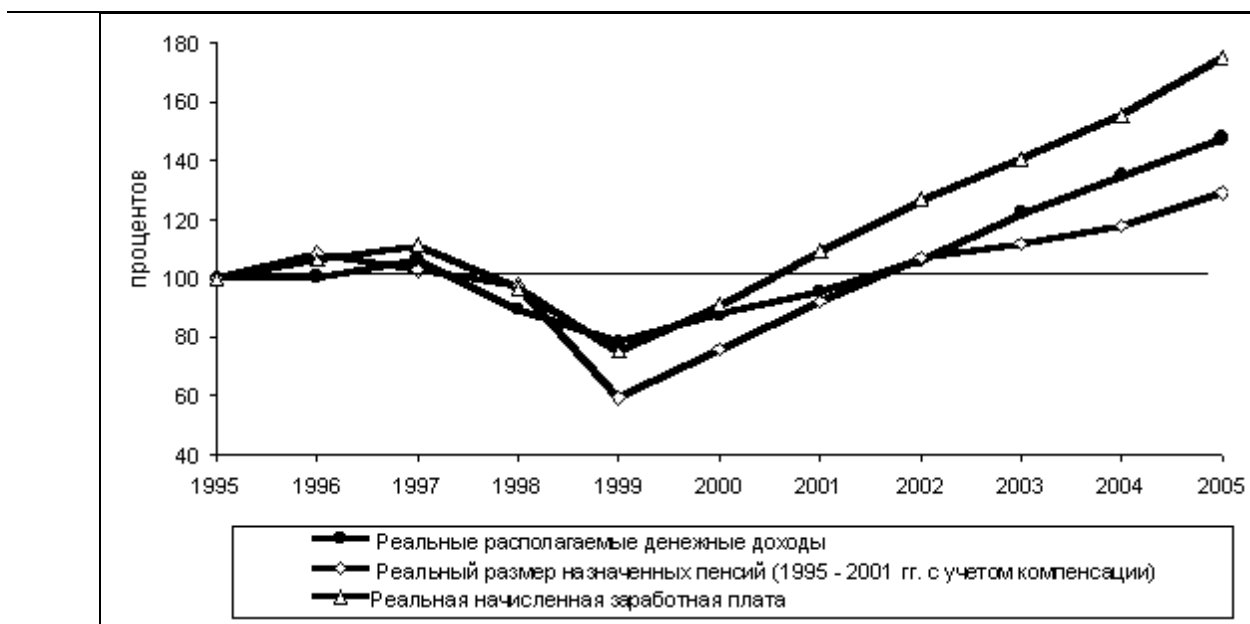
В 2012 году Россия заняла 144 позицию среди 179 стран, ранжированных в рамках IEF. Вот как характеризуется ситуация в отчете: «Российское правительство демонстрирует мало, если не полное отсутствие, приверженности экономическим реформам, и показатель экономической свободы остается замороженным на нижней границе стран с «в основном несвободной экономикой». Хотя высокая цена на углеводороды и поддерживает экономику, но перспективы стабильного долгосрочного роста остаются призрачными. Всепроницающая коррупция и неуважение к правам собственности подрывают

² Индекс экономической свободы (Index of Economic Freedom) — комбинированный показатель, оценивающий уровень экономической свободы в различных странах мира. Выпускается американским исследовательским центром The Heritage Foundation совместно с газетой The Wall Street Journal. Экономическая свобода определяется как «отсутствие правительственного вмешательства или воспрепятствования производству, распределению и потреблению товаров и услуг, за исключением необходимой гражданам защиты и поддержки свободы как таковой: <http://www.heritage.org/index/about>

верховенство закона, увеличивая неопределенность и риск инвестиций. Активное государственное вмешательство в экономику блокирует динамизм частного сектора. Нагромождение сложных таможенных барьеров повышает стоимость торговли. Препятствием к прямым иностранным инвестициям является, в том числе, непредсказуемость бюрократических решений и непрозрачность регулирования. Недостаток рыночной конкуренции приводит к росту цен. Расходы на социальную сферу выросли, но не выросла прозрачность расходования средств или публичный контроль за расходами. Бюджет все в большей степени зависит от цен на нефть»³.

Анализируя ситуацию в России, нельзя не признать, что мы имеем дело с бюрократическим реваншем – реформы, начатые в 90-ые годы, были не просто свернуты, но маркированы официальной пропагандой как жульнические махинации, приносящие вред «народу». При этом, благодаря высоким ценам на нефть, оказалось возможным дополнить идеологическую обработку стабильным повышением заработной платы и пенсий (см. Рис. 13).

Рис.13. Основные виды денежных доходов населения в реальном выражении (1995=100). Данные Федеральной службы государственной статистики http://www.gks.ru/bgd/regl/b06_13/IssWWW.exe/Stg/d01/06-06.htm

По сравнению с провальным – послекризисным - 1999 годом реальные зарплаты и пенсии выросли к 2005 году более, чем в два раза. Но если, как было показано, в Польше рост доходов населения обеспечивался новыми формами экономической активности, в России основой повышения зарплат и пенсий стал бюджет – точнее, выгодная внешнеэкономическая конъюнктура. Сочетание пропагандистских усилий и стабильного

³ <http://www.heritage.org/index/country/russia> Перевод автора статьи.

повышения уровня жизни привело к росту массовых стереотипов о необходимости и полезности государственного регулирования экономики, что и было зафиксировано в рамках опроса.

Существующие в российском обществе стереотипы массового сознания - не особенность загадочной русской души, не таинственная «русская ментальность», а результат последовательной и планомерной политики режима, прекрасно понимающего, что его опора – социальная периферия со сниженным уровнем социальных ресурсов и достижительской мотивации. Отсюда - культивирование малой значимости индивидуального успеха, профессионализма, неверия в возможность институционального признания личного достижения другими (в том числе в материальном выражении). Постепенно, шаг за шагом, сворачивается пространство свободы - жизнь рядового россиянина выстраивается так, что в ней все меньше остается места независимому от власти существованию. И рынок труда, и системы здравоохранения и образования, и ЖКХ – все элементы повседневности замкнуты на государственную поддержку и обеспечение. Не имея навыков и возможностей самостоятельной жизни, значительная часть российского населения идентифицирует себя с государством, превращая патерналистские ожидания в своего рода социальный – фактически единственно доступный - ресурс. А власти, в свою очередь, целенаправленно консервируют такое положение вещей. Пока ситуация не изменится, вряд ли можно оптимистично оценивать перспективы и потенциал российской модернизации.

Библиография:

1. Steve Schifferes. Bush's domestic agenda reinforced. — BBC News, 06.11.2002
2. Пол Рейнольдс. Политический портрет: Джордж Буш-младший. — BBC News, Русская служба, 14.10.2004
3. Dana Milbank. Bush's Domestic Policy Gap. — The Washington Post, 12.10.2004
4. Bush pushes case for permanent tax cuts. — USA Today, 01.04.2006
5. Супян В. Современная социально-экономическая модель США.
<http://www.intertrends.ru/seven/003.htm>
6. Синицина И.С., Чудакова Н.А. ЕС и экономика Польши: от адаптации к интеграции. // Современная Европа. 2006. №3 с.108-123
7. Синицина И.С., Чудакова Н.А. Социально-экономическая трансформация Польши. ОНС, № 2, с.24-34
8. Колодко Г. От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований. М., 2000. С. 86.

9. Rocznik Statystyczny Polski 2005. Warszawa, 2005.
10. Global Entrepreneurship Monitor (GEM) <http://www.gemconsortium.org/>
11. Index of Economic Freedom (IEF) <http://www.heritage.org/index/about>